

ДЕТЕКТИВЫ О ЖЕНЩИНЕ-ЦУНАМИ

Анна
Ольховская

Лгунья-
колдунья

Криминальный пасьянс Ланы Красич

Анна Ольховская
Лгунья-колдунья

«Соболева Анна Николаевна»

2010

Ольховская А.

Лгунья-колдунья / А. Ольховская — «Соболева Анна Николаевна», 2010 — (Криминальный пасьянс Ланы Красич)

ISBN 978-5-699-43889-1

Зеленоглазая красотка Лена Осина и семь ее друзей, вдоволь повеселившиеся на лучших курортах мира, решили побродить по Кольскому полуострову – полюбоваться на суровую красоту полудикого края и с местными знахарями познакомиться. Ну и конечно, попасть на остров Колдун, о котором ходит масса мрачных легенд. Ребята не верят в легенды – ровно до тех пор, пока двое из них не нарушают запрет и не вывозят кое-что из заповедного места. В ту же ночь одного из смельчаков – причем самого красивого – зверски убивают, а жизнь остальных по возвращении домой превращается в ад...

ISBN 978-5-699-43889-1

© Ольховская А., 2010

© Соболева Анна Николаевна, 2010

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	23
Глава 7	27
Глава 8	31
Глава 9	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Анна Ольховская

Лгунья-колдунья

Часть I

Глава 1

Поезд Москва – Мурманск лихо отплясывал тарантеллу на стыках, подергивая стальными плечами. Эх, не тем маршрутом бегал состав, ему бы к Средиземному морю, к солнцу, к бирюзовой волне, к пахнущим молодым вином берегам! А вовсе не в холод и суровую сосредоточенность Беломорья. Правда, электрический ток везде одинаков, и поезд, от души хлебнув энерговиски, игриво вильнул хвостом на повороте.

Ехавшая в последнем вагоне компания молниеносно отреагировала на шалость поезда, дружно свалившись на пол. А если учесть, что в одно купе набилось человек... Человек... Мда. Количество набившихся не поддавалось точному учету, впрочем, классификации по половому признаку тоже.

Потому что довольно проблематично классифицировать невразумительную кучу, копошившуюся сейчас в тесном проеме купе. Все ноги, попадавшие в зону видимости, заканчивались джинсами и кроссовками. Количество ног постоянно менялось, периодически мелькали руки, иногда – головы, куча сопела и нелитературно выражалась.

Дверь купе, засмотревшись на происходящее, не заметила приближения своей повелительницы. И когда нежная ручка проводницы, покупавшей перчатки двадцать пятого размера, хлопнула дверь по спине, отодвигая в сторону, бедолага испуганно взвизгнула и судорожно вжалась в стену.

– Кто тут до Оленегорска? – флегматично обратилась к жизнерадостной куче трепетная дева, посвящавшая, судя по всему, все свободное время вышиванию болгарским крестиком и борьбе сумо. Или наоборот – борьбе сумо и вышиванию болгарским крестиком. И, разумеется, в совершенстве владеющая всеми тонкостями чайной церемонии. В чем куча, пребывая в разрозненном состоянии, могла убедиться за время пути неоднократно. Особенно удавался деве сахар.

– Мы, – сдавленно просипел кто-то из подбрюшья кучи.

– Все?

– Ага.

– Так, у меня восемь билетов, вас тут: раз, два, три... А, ладно. Собирайте постели, несите мне. Оленегорск через полчаса. Хватит развлекаться, пора на выход.

И проводница, положив билеты на край верхней полки, отправилась в свои апартаменты, размером больше напоминавшие коробку из-под обуви. Причем коробка была от детских сандалек.

– Развлекаться! – Возмущенный визг, донесшийся откуда-то с левого фланга кучи, больше походил на женский. Хотя... – Кретинизм какой-то! Сколько можно на мне валяться, а? Слазь немедленно! Ну, кому говорю!

– А кому, собственно? – прогудело из середины.

– Судя по носочному вонизму – Борьке.

– Но-но, – донеслось от двери, – я бы попросил!

– Значит, не Борьке, значит, кто-то решил догнать и перегнать Марченко по убойности воздействия. – Уровень злости в голосе все возрастал, стрелка стремительно приближалась к красному делению. – Вы меня достали уже! Все, наприсились!

– А-а-а! – дурномявом взвыл рыжий взлохмаченный парень, пробкой вылетая из кучи. Ошалело разглядывая кровоточащие царапины на руке, он заорал: – Ленка, гадина, ты совсем сбрендила?! Ты что творишь?!

– Я пыталась по-хорошему! – Похоже, рыжий являлся основным элементом конструкции кучи, поскольку после его удаления конгломерат распался, и с пола начали подниматься составные части. В том числе и симпатичная брюнетка, больше похожая сейчас на побывавшую в драке кошку. Сходство усиливали чуть раскосые зеленые глазищи и длинные когти, ой, нет. Ногти, конечно же, ногти. Озабоченно разглядывая свои ярко-алые клинки, девушка продолжила: – И вообще, Венечка, благодари бога, что ни один мой прелестный ноготок не пострадал при столкновении с твоей бегемотовой шкурой!

– Глыпт! – выдал на-гора рыжий Венечка, пытаясь, видимо, догнать прыткую лань, именуемую женской логикой. Не догнал.

А Лена тем временем продолжила, помогая подняться хрупкой русоволосой девушке, испуганно сжавшейся в комочек под столом:

– Видишь, слоняра, куда ты Динь-Динь запинал? Да, Венечка, теперь я точно знаю, от кого твой род пошел – от Бабы-яги.

– Почему? – Погоня за ланью заставила потомка славной старушки слегка окосеть.

– Так она же, бабулька твоя легендарная, тоже любила покачаться-повалиться на костях человеческих.

– Леночка, лапушка моя, ты опять на комплименты напрашиваешься? Где ты видишь на себе кости? Все весьма округло и аппетитно. – Бархатный голос отряхивавшего колени высокого гибкого парня обладал таким чувственным магнетизмом, что любая, даже самая банальная фраза действовала на противоположный пол самым гипнотическим образом.

Что доставляло обладателю этого голоса, Антону Тарскому, массу проблем.

Согласитесь, только поначалу, в пору взросления, могло забавлять, когда продавщицы в магазине, тетки в автобусе, старушки на лавочке, а иногда и парнишки в баре начинали страстно сопеть и игриво подмигивать, стоило лишь произнести пару слов. А потом это стало надоедать. Потом – поедать, а совсем уже потом – доедать, чавкая и отрываясь.

Пришлось искать выход. Оказавшийся, естественно, там же, где и вход. И теперь Антон разговаривал с незнакомыми людьми хриплым шепотом, изображая простуду. А в полный голос – только с друзьями, знакомыми и родней. Либо когда выходил на любовную охоту. К сожалению, охота никогда не была продолжительной, понравившаяся дичь, млея от восторга, сдавалась на милость победителю удручающе быстро. Рикошетом, как правило, задевало все женское окружение нужного в данный момент объекта, но с этим уже ничего не поделаешь, издержки производства.

Но последняя дичь оказалась какой-то неправильной, сдаваться не желала категорически. Своенравная и непокорная, гибкая и соблазнительная, страстная и сильная – Лена Осенева превратилась для Антона в навязчивую идею. Он даже в этот дурацкий поход поперся исключительно с одной целью: быть поближе к предмету страсти. Хотя какой это предмет! Резиновую женщину – вот что можно назвать предметом. Она и ведет себя соответственно. А Ленка выкобенивается.

Кретинская затея, конечно, тащиться летом вместо Мальдив, Канар, или, на худой конец, Турции на Кольский полуостров! С ума сойти! Они бы еще с экскурсией по лагерям прошлись! С зэками пообщались, песни у костра попели вместе! Из репертуара радио «Шансон»! Сборы упертых придурков! «Сейдозеро, Ловозеро, следы других цивилизаций, гиперборейцы!

Мистика, сейды, таинственные знаки – бред полный! Взрослые, состоявшиеся люди, уже к тридцатнику почти всем прикатило, карьеру сделали – и на тебе!

Главное, Ленка туда же – глаза горят, энтузиазм пузырьками шампанского кипит, ни о чем другом слышать не желает. Пришлось и ему, топ-менеджеру успешной компании, повесить в шкаф костюмчик от Хьюго Босса, туда же – штиблеты из мягчайшей кожи, влезть в джинсы и кроссовки, набить рюкзак – рюкзак, заметьте, а не стильный чемодан! – и отправиться в этот богом забытый край пялиться непонятно на что и искать неизвестно кого. Блин, прямо Иван-дурак из сказки: «Поди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что»!

А тут еще и побочный эффект, как всегда, имеет место быть. Да еще какой! Хуже нет так называемого «тайного» обожания романтической девицы, гораздо проще с развязными особами, стремящимися с ходу запрыгнуть в койку. Таковую можно послать конкретно и резко, все поймут. А когда на тебя тарачится обожающими глазенками робко краснеющая тургеневская барышня – мама дорогая! Хуже зубной боли.

И ведь вся компания, естественно, в курсе «тайной» любви Дины Квятковской, которую Ленка зовет дурацкой кличкой Динь-Динь. Хотя, если честно, имечко вполне подходит: девица такая хрупкая и нежная, что вполне могла бы порхать от цветка к цветку, собирая нектар. Вот только порхала бы подальше от него, а то достала уже!

Ласково улыбнувшись, Антон приобнял Лену за плечи:

– А если бы согласилась тогда уютно устроиться у меня на коленях, то при падении я бы тебя уберег от неприятных ощущений.

– Освежителем Венечку обрызгал, что ли? – фыркнула Осенева, ловко вывернувшись из его рук.

– Я б тебя саму обрызгал, – мрачно проворчал рыжий, разглядывая боевые раны, – транквилизатором для слонов.

– А я локоть ушибла, – пролепетала Дина, жалобно глядя на Антона. – Больно.

– Сочувствую, – равнодушно бросил тот, направляясь к двери купе. – Эй, народ, пойдете отсюда, пусть наши дамы соберутся.

Потирая ушибленные места, мужская часть компании потянулась к выходу. Через пару минут девушки остались одни.

– М-да, – скептически осмотрела разоренное купе крепенькая, похожая на гриб-боровик Нелли Симонян. – Не устаю восхищаться галантностью наших мужчин. Насвинячили и скромно удалились. «А дамы пусть собираются!» – передразнила она Антона. – Кавалер фигов!

– Можно подумать, что твой Бориска или мой Вадим рвались помочь! – усмехнулась рослая блондинка. Ирина Плужникова очень походила на жительницу скандинавских стран не только внешностью, но и спокойным, уравновешенным характером. – Славянские мужчины, что ты хочешь. Мы сами виноваты, таких воспитали.

– Антон хороший, он очень вежливый, вот! – отважно выкрикнула Дина и тут же густо покраснела.

Лена удрученно покачала головой и приступила к постельному стриптизу. Подушки вовсе не горели желанием обнажаться и демонстрировать подозрительные пятна на своих тушках, поэтому активно плевались перьями. Но акция сопротивления прошла не замеченной задумавшейся Леной.

Бедная Динь, надо же было так влипнуть! Антон напоминал Осеневой большого самовольного паука, широко развесившего сладкую паутину. В ней покрывались пылью высохшие коконы сломанных судеб, а паучара, выпив очередную любовь, плел паутину дальше.

Лена была наслышана о похождениях плейбоя Антона Тарского. Они частенько пересекались в общих компаниях, но и в дурном сне Осеневой не могло присниться, что сладкоголосому Тони (как любил представляться Тарский) придет вдруг в голову бредовая идея присоединить к своей коллекции охотничьих трофеев ее, Лену!

И спокойное время закончилось. Вот уже три месяца Тарский не дает ей прохода. Лена так надеялась на свой отпуск, рассчитывая уехать почти на месяц подальше от этого хлыща. А Тони-пони за это время найдет себе другую забаву. И на тебе!

Кто мог подумать, что метросексуал Тарский потащится в поход на Кольский полуостров?! Там же нет маникюрного салона, СПА-салонов, соляриев и массажистов! Там же комары, дождь, а туалет – страшно подумать – под кустом!

А вот потащился. И умудрился мимоходом испортить жизнь тихоне Динь-Динь. Ну как объяснить наивной дурочке, что Антон в принципе не способен любить? Он умеет только пользоваться. Но Динь ничего не желает слушать, твердит одно: «Антон хороший, он самый лучший».

Ладно, разберемся. Главное – они почти приехали. Сейдозеро, мы идем к тебе!

Глава 2

Меньше всего Елена Осенева, заместитель начальника отдела выездного туризма крупной туристической компании, могла предположить, что увлечется именно... туризмом! За пять лет работы в компании она побывала, казалось, везде. Турция, Египет, Тунис, Таиланд, Бали, Канарские острова, страны Европы – бесконечный красочный калейдоскоп увлекал лишь поначалу. Через год Лена перестала замечать красоту этих мест, все сливалось в одну скучную картину: самолет – отель – самолет.

Поэтому отпуска Осенева проводила дома, в Москве, стойко отбиваясь от подруги, Ланы Красич. Лана, любительница как раз пляжного отдыха, давно должна была бы отчаяться вытащить приятельницу с московской грядки, но атаки возобновлялись. А вдруг?

Но вдруг не получалось, Лену тошнило от одного вида рекламных туристических проспектов. Она предпочитала другой вид путешествий – бродить по просторам Интернета.

Где и набрела однажды на сайт «Космопоиск», на котором знающие люди могли дать любую консультацию об аномальных зонах и загадочных местах России. Вначале Осенева отнеслась к информации сайта скептически, поскольку все разговоры об НЛО, мистике и прочих чудесах считала хлебом желтой прессы.

Но постепенно Лена неожиданно для себя увлеклась, обросла массой новых знакомых, искала какие-то сведения сама, делилась найденным, и менее чем за год образовалась сплоченная команда единомышленников, решившая лично исследовать аномальные зоны по очереди. Все они были москвичами, так что встретиться и познакомиться «живьем» труда не составило.

Изначально в команде было шесть человек: сама Лена, Нелли Симонян, занимавшая неплохую должность в одном из крупных банков Москвы, Ирина и Вадим Плужниковы, владельцы небольшого охранного предприятия, архивных дел мастер Вениамин Путырчик и директор СТО Борис Марченко.

Обладателем самого большого запаса энтузиазма являлся неугомонный Венечка, в свои тридцать выглядевший столь несолидно, что ему иногда не отпускали спиртное. Пузырящиеся джинсы, вечно взлохмаченные волосы, мешковатые майки и свитера – не спасал даже высокий рост. Опознать в этом вечном подростке кандидата исторических наук было бы не под силу даже наблюдательнейшему из наблюдательнейших всех времен и народов. Нет, не Шерлоку Холмсу. И не главному следопыту племени чероки. И даже не доблестному сержанту Ковальски из армии США. Тут спасовала бы сама тетя Дуся из третьего подъезда, всевидящее око нации.

Именно Венечка и предложил в качестве первого маршрута исследовать шаманские места Кольского полуострова. Компания, затарившись пивом и креветками, собралась тогда у Плужниковых дома.

– Народ! – вопил Венечка, пристукивая банкой с недопитым пивом по столу. – Я вам обещаю – жалеть не будете! Если мы и не найдем их шаманские штучки, так и фиг бы с ним! Там же красотища вокруг, с ума сойти можно! Вода чистейшая, прибой, как на море, а воздух! Горный, вкусный! А ягод там, а рыбы, а грибов!

– Ты так расписываешь, словно был там, – недоверчиво усмехнулся Борис.

– Я – нет, но на сайте с чуваком одним общался, вот он – был. Он такого понарассказывал – оторопь берет! У них в группе тоже был один Фома неверующий, вот как ты, Борька...

– И что Фома, его съел крокодил, как в детском стишке? – хихикнула Нелли, явно симпатизировавшая Борису.

– Ну почти, – победно посмотрел на нее Путырчик. – Местные их предупреждали: сейды не трогать, с острова Колдун ничего не вывозить. А тот тип не послушался – подумаешь, гри-

бочков белых прихватил, что с того! Тех грибов на острове – косою коси. Короче, притащил в лагерь грибы, сварил из них суп, и того...

– Что – того?

– Траванулся. Не успели до больницы довезти, помер.

– Подумаешь! – поморщился Борис. – Грибами отравился – вот уж редкость-то!

– Ой, Борька, ну ты и зануда! Так ведь тот суп все ели, а помер только тот, кто грибы с острова вынес.

– Любопытно, – почесал кончик носа Вадим Плужников. – Очень любопытно. Историй о злых духах умерших шаманов, обитающих в камнях-сейдах, довольно много. Правда, в других источниках я читал, что настоящие нойды...

– Кто?

– Нойды. Так называют своих шаманов саамы, коренные жители Кольского полуострова. Так вот, настоящий нойда не может быть ни злым, ни добрым, он должен все убить в душе. А если он не сможет избавиться от зла, то после смерти становится равком – живым мертвецом. А в сейдах остаются души только действительно сильных нойд. И про остров Колдун на Ловозере тоже страшилок хватает. Вообще, – воодушевился Вадим, – наш бестолковый Венечка...

– Но-но!

– О'кей, наш самый толковый господин Путырчик неожиданно подсказал классную идею. Ведь считается, что именно там, на Севере, на Кольском полуострове, существовала протоцивилизация, легендарная Гиперборея, оставившая после себя памятник практической магии. К тому же добираться туда не так уж и сложно. Ну что, едем?

– Едем!

Принципиальное решение было принято в марте, выезд назначили на август. Но к моменту начала экспедиции их команда увеличилась на два человека.

В апреле появилась Дина Квятковская, тихая и скромная библиотечка. Ее привела в компанию Нелли Симонян, сама Дина ни за что бы не отважилась. Замкнутая и стеснительная, она всю жизнь проводила среди книг. Растила ее строгая и волевая мама, преподававшая химию в одном из университетов Москвы. Как-то так получилось, что мужчины в семье Квятковских не задерживались. Может быть, потому, что и бабушка Дины, и мама были женщинами властными, не привыкшими уступать и подчиняться. Высокие и статные, они завораживали яркой внешностью. Выющиеся черные волосы, жгучие карие глаза, алые губы – что-то цыганское проступало в их облике, хотя род Квятковских происходил из Восточной Польши. Бабушку Дина знала лишь по фотографиям, а мамочкой она не уставала восхищаться и сейчас. В свои пятьдесят Марина Квятковская по-прежнему заставляла учащенно биться мужские сердца. А вот Дина, похоже, пошла в отца, которого никогда не знала. Невысокая, худенькая, с милым, но блеклым личиком, с тонкими русыми волосами невразумительного оттенка, Дина иногда самой себе казалась подкидышем. Уродливым и никому не нужным.

Она росла, и вместе с ней росли и ее комплексы. Мать, уставшая постоянно переубеждать дочку, надеялась, что, повзрослев, Диночка поймет собственную нежную прелесть эльфа. Или влюбленный в нее мальчик сможет ей помочь. Студенческая жизнь все расставит по местам.

Может, так и случилось бы, выбери Дина какое-нибудь другое учебное заведение. Но она пошла в библиотечный институт!

И вот девочке уже двадцать пять лет, а ни одного, НИ ОДНОГО романа в ее жизни не было. Словно мышка, юркала она на работу и домой, запиралась у себя в комнате и шуршала страницами книг. Парни, с которыми знакомила дочь Марина, после первой же встречи исчезали и больше не звонили.

Тогда Марина решила действовать по-другому. Она попросила Неличку Симонян, дочь своей давней подруги Карины, взять Дину под свою опеку, познакомить с друзьями, ввести в компанию.

И неожиданно для всех, и в первую очередь для самой Дины – получилось. Дина увлеклась идеей, загорелась походом и смогла оказаться полезной, разыскивая в библиотечных фондах ценную информацию.

Жизнь заиграла новыми красками. А потом появился ОН. Антон Тарский, ослепительно-красивый кареглазый шатен. Он вошел и поздоровался. Просто поздоровался. И Дина исчезла, растворилась в бездонных глазах. Но глазам такая составляющая была совершенно ни к чему, и они выплюнули Дину обратно, сосредоточившись на Лене Осеневой. Ради которой, собственно, хозяин глаз и присоединился к этой совершенно неинтересной ему компании.

Вот такой любопытный коллективчик и выпал на залитый августовским солнцем перрон Оленегорска. Хотя «залитый» – не совсем подходящий эпитет для блеклого света, с трудом растянувшего свое покрывало по поверхности земли. Ох-хо-хо, тяжеленько приходилось свету, ведь имелась не только земля, а еще и деревья, и дома, и толпешка очередных «энтузиастов», любителей «непознанного». Ребята, а вы никогда не задумывались, что «непознанное» так называют именно потому, что оно вовсе не стремится быть познанным? И может активно этому сопротивляться.

Не задумывались? Ну-ну.

А ребята тем временем, разобрав рюкзаки, направились в сторону автовокзала, откуда механизированная повозка, хрипя и взывая коробкой передач, дотащила их до Ловозера.

Хотя вечер в августе на Кольском полуострове – понятие весьма относительное. Кроты бы расстроились.

Городок у озера был крохотный, и меховой воротник тайги подступал совсем близко.

– Красиво-то как! – восхищенно пролепетала Дина, робко прикоснувшись к плечу Тарского. – Правда, Антошенька?

– Я понимаю, Дина, что в твоей жизни было мало красивого, начиная с отражения в зеркале, но восхищаться городской свалкой – это уже слишком! – насмешливо фыркнул Антон, кивая в сторону кучи мусора, вольготно раскинувшейся возле автостанции. – Хотя в твоём случае...

Договорить красавчик не успел, потому что пролетающий мимо кулак Вадима явно не собирался разминуться с холеной физиономией и смачно впечатался где-то в районе левой скулы. Скула немедленно оправдала свое название и заскулила, меняя оттенок.

Антон нелепо взмахнул руками и улетел в направлении той самой кучи мусора.

Помочь ему подняться никто не спешил. Девушки окружили побледневшую Дину и наперебой успокаивали ее. Но, как всегда бывает в подобных случаях, чем больше тебя жалеют – тем быстрее ты заплачешь. Что и произошло.

Мужская часть команды окружила потиравшего кулак Вадима и мрачно смотрела на безразлично отряхивавшего налипший мусор Тарского.

– Извинись, – сквозь зубы процедил Плужников.

– В смысле? – надменно приподнял бровь Антон. Но тут же болезненно скривился, пощупав щеку. – Перед тобой, что ли? За то, что получил по морде? Навыки охранника, смотрю, в плоть и кровь въелись, ручонками размахивать не научился. Долдон.

– Стой, не надо. – Борис едва успел перехватить рванувшегося было к Антону Вадима. – Не стоит больше руки об него марать. А ты, урод...

– На себя посмотри.

– Так вот, – невозмутимо продолжил Марченко, – ты, урод, с нами дальше не пойдешь.

– Это с какой стати?

– С такой. Твои хамские замашки всех достали. Ты ведешь себя так, словно ты – граф, а мы – крепостное отребье.

– Вовсе я...

– Заткнись! Ладно бы только это, но твое поведение в отношении Дины просто скотское!

– Скотское было бы, если бы я ее банально трахнул и бросил! – огрызнулся Антон. – А я, наоборот, делаю все, чтобы она во мне разочаровалась! Даже рискуя получить по морде. Что, собственно, и произошло.

– Так это ты специально так сказал? – с надеждой подняла залитое слезами лицо Дина. Надежде было не за что зацепиться, и она постоянно ерзала, отчего Динино лицо странно подергивалось. – На самом деле ты так не думаешь?

– Ну конечно же, Диночка, – Тарский включил обаяние на полную мощность, голос его просто искрил. Проняло даже Лену, а о Дине и говорить нечего. Слезы моментально высохли, и девушка потянулась навстречу голосу. – Как можно? Ты очень милая и нежная, я не хочу, чтобы ты страдала из-за меня, и обманывать тебя тоже не хочу. Ты прости меня, а?

– Господи, Антошенька, ну конечно же! – Дина подбежала к Тарскому и прильнула к нему. – Я все поняла, все-все.

– Жаль, что придется расстаться, – тяжело вздохнул Антон, поглаживая девушку по спине, – думаю, мы все же смогли бы стать хотя бы друзьями.

– Почему расстаться? – Дина непонимающе смотрела на него.

– Меня же выгоняют из команды.

– Ребята погорячились. Правда, ребята? – Квятковская повернулась к остальным и, сияя счастливой улыбкой, ждала ответа.

– Манипулятор хренов, – пробурчал вполголоса Венечка.

– Ты что-то сказал? Я не поняла. Так Антон остается или нет? Ну пожалуйста, ребята, ну не злитесь, он хороший, я знаю.

– Черт с ним, пусть остается, – махнул рукой Вадим. – Но учти, Тарский, откуда тебе вернуться было бы проще. А если ты что-то подобное выкинешь там, в тайге, все будет гораздо сложнее. И, возможно, страшнее.

– Да ладно вам, – победно усмехнулся Антон, – только пугать не надо.

Глава 3

Солнце удобно устроилось в ложбине пологих гор, окруживших Сейдозеро. Было невыразимо скучно, одно и то же зрелище почти полгода подряд. Скорее бы зима, убраться из этого полушария, сменить обстановку. Но и там, на противоположной стороне Земли, тоже вскоре все осточертеет, а особенно пингвины. Хуже могут быть только полярники.

Здесь же хоть какое-то разнообразие, особенно в этом местечке. Каждый год появляются туристы и лезут туда, куда лезть не стоит. Забавно за ними наблюдать.

Вот и сейчас новые подросли. Уже неделю ползают вокруг озера, без конца ссорятся, пакостят друг другу. Не все, конечно, но большинство. Правда, действительно опасным можно назвать только одного из человечков, остальные так, балуются по мелочи.

А этот человечек... Солнце подобного ему видело здесь очень давно, много веков тому назад. Жил среди обитавших здесь лопарей один шаман. Коварное, злобное, мстительное существо. Много кровавых жертв принес он камням-сейдам, может, и сам после смерти стал одним из них, кто знает?

Человечек, привлечший внимание солнца, в крови рук не марал, во всяком случае, пока. И спутники его даже не догадывались, кто пришел с ними на берег Сейдозера. И зачем пришел.

А солнце все видело, все знало. И ему было любопытно, что же будет дальше, ради чего человечек затеял все это?

Эй, сони, подъем! Солнце запустило лучи в окна и многочисленные щели небольшого домика, прислонившегося к берегу Сейдозера и ставшего временным прибежищем исследовательской команды. Ноль реакции. Да, лучиками здесь не обойдешься, сюда бы банду солнечных зайцев, да по глазонькам спящих! Вмиг бы проснулись. Но искристые попрыгунчики резвятся сейчас на макушках озерных волн, и вытащить их оттуда можно только одним путем – натянув на голову облачное одеяло.

Но тогда не видно будет происходящего на земле! Нет, так не пойдет. Придется набраться терпения и ждать.

А набираться терпением – одно из самых скучных занятий. Гораздо приятнее набраться чем-нибудь другим. Но увы, этот вариант солнцу был недоступен.

Наконец-то! Светило от нетерпения аж приподнялось над ложбиной повыше, увидев распахнувшуюся дверь избышки. Тьфу ты, все время забываю, у них, у людей, по утрам всегда одно и то же. Сочувствую кустам.

А в импровизированном стойбище, бывшем всю ночь лежищем, становилось все более шумно. Труба домика чихнула раз, другой и натужно закашлялась дымом. А из самого домика весьма аппетитно запахло оладушками.

– Эх, здорово все же, что с нами девчата! – раскинувшись морской звездой на берегу, радовался жизни Борис. – Будь у нас чисто мужская компания, давились бы сейчас сухим пайком. А так – оладьи со сгущенкой, кофеек!

– А кто ныл, когда мы составляли список продуктов в Москве? – усмехнулся Вадим, наблюдая за шумно плескавшимся Венечкой. – Ты же плешь проел всем, когда мы включили в список смесь для оладий, ту же сгущенку, помнишь? «Макароны и тушенка – остальное будем добывать на месте!» Много чего добыл?

– Ну почему, кое-что добыл, – Борис приподнялся и сел, обхватив руками колени. – Рыбы вот с Путырчиком наловили, к примеру. Вы с Ирккой грибов притащили, девчата – ягод. У нас только один трутень есть. Дармоед чертов!

Вадим удивленно взглянул на перекосившееся от злости лицо приятеля:

– Что с тобой? По-моему, ты как-то не очень адекватно реагируешь на Тарского, я давно заметил. Чем он тебе так не угодил?

– Можно подумать, ты от него в восторге! Кто первый ему по морде надавал?

– Предположим, тогда было за что. Но с тех пор Антон ведет себя нормально, со всеми вежлив...

– Особенно с бабами, тут уж точно – со всеми, – двусмысленно улыбнулся Борис.

– Ты имеешь в виду что-то конкретное или просто воздух сотрясаешь? – Голос Вадима неожиданно заledenел.

– Да ладно, не обращай внимания, это я так, – Марченко поспешно поднялся. – Пойдем-ка лучше завтракать, вон, девчата руками машут. Эй, Венчик, вылезай, а то из Путырчика Пупырчиком станешь!

За неделю странствий вокруг Сейдозера компания ни с чем загадочным пока так и не столкнулась. Они исследовали западную часть озера, знаменитый сейд «Старик», видели двухметровый православный крест, с обеих сторон которого прибиты таблички с молитвами, поднимались по склонам Нинчурта на вершину, фотографировали таинственные знаки, выбитые на вертикальных стенках ступеней подъема, делились гипотезами о проложенной к Сейдозеру странной дороге. Все было очень интересным и познавательным, от красоты пейзажей кружилась голова, изобилие ягод, грибов и рыбы поражало воображение, но вот с аномальными явлениями как-то не сложилось. Все было до зевоты нормальным.

Правда, Лена последние пару дней жаловалась, что ей «тяжело дышать». Словно что-то давило, что-то злое, непонятное. Вскоре к ней присоединились и остальные дамы.

Мужчины, не чувствовавшие ничего подобного, сочли жалобы спутниц женской мнительностью и не обращали на них внимания. Лишь Тарский сочувственно курлыкал, стремясь завоевать желанную дичь. И между делом пользовался результатами побочного эффекта...

На сегодняшний день был намечен поход к истокам реки с простым и безыскусным названием Сейдъяврийок, где вроде был жил настоящий шаман-нойда. Выговорить без запинки это слово мог только Венечка, чем и щеголял. Впрочем, больше щеголять ему было и нечем. Если только щегла поймать и нитку к лапке привязать.

Дина слегка простудилась, и поэтому ее решили оставить в лагере.

– Одну? – Девушка жалобно посмотрела на товарищей. – Я боюсь.

– Чего ты боишься? Здесь же нет никого, – снисходительно улыбнулся Борис.

– В том-то и дело, – Дина зябко повела плечами. – А оно смотрит и смотрит!

– Кто – оно? – заинтересовался Вадим.

– Озеро! – Девушка всхлипнула. – Я боюсь, я с вами лучше пойду!

– Нет уж, не надо! Если ты всерьез разболеешься, нам придется сворачиваться, раньше срока в Москву возвращаться, билеты как-то менять, – в голосе Бориса сквозило раздражение. – Сиди уже, лечись.

– Ой, Боречка, ты только не злись! – Губы Квятковской задрожали, она явно с трудом сдерживалась от плача. – Я не хочу быть обузой, я останусь! Вы идите, идите! Ведь к вечеру вернетесь, да?

– Естественно, Динь, – обняла подругу за плечи Лена. – Даже раньше. Хотя... – она задумчиво посмотрела вокруг. – Знаете, я, пожалуй, тоже останусь. Не стоит нам бросать кого-либо в одиночестве, беда может случиться, я это чувствую.

– Опять твои бредни! – скептически фыркнул Борис.

– Боря, повежливее, будь так любезен, – Тарский подошел к Лене и заботливо поправил выбившуюся прядь. – Я тоже ничего такого не ощущаю, но Леночке верю безоговорочно. И готов составить девушкам компанию.

– Ой, а зачем вам двоим оставаться? – оживилась Дина. – Пусть Антоша побудет со мной, а ты иди, Леночка, ты же так хотела!

– Это было бы здорово, – едва сдерживая улыбку, Осенева повернулась к своему воздыхателю: – Ты как, Антон?

Попавший в безвыходное положение Тарский лихорадочно соображал, как поступить. Но лихорадка обычно сопровождается бредом, поэтому и мысли в голове Антона собрались бредовые, и вели себя эти мысли самым беспардонным образом. А одна особо распоясавшаяся особь выдала такое, что заставило Тарского покраснеть. Он уже и забыл, как это бывает. А вот уши, оказывается, помнили и с энтузиазмом запламенели кумачовыми стягами.

– Что с тобой, Тарский? – заржал Венечка, шелкая пальцем по алым полотнищам. – Ты застеснялся или разозлился?

Пришлось из всего бреда наспех выбрать самый правдоподобный и импровизировать. Антон покачнулся, закрыл на пару секунд глаза, затем открыл и недоуменно посмотрел вокруг:

– А? Что? Ты что-то сказал? Прости, я не расслышал, мне почему-то вдруг стало очень жарко, даже сердце зашло.

– Тогда тем более тебе следует остаться вместе с Диной, – Осенева с тревогой вглядывалась в лицо Антона. – Ты странно выглядишь, у тебя, похоже, жар. Неужели и ты простудился?

– Нет, это что-то другое, – вдохновенно врал Тарский. – Словно мгновенная, опаляющая изнутри, вспышка. Все уже прошло, я бы с удовольствием пошел с вами, но если Диночка просит...

– Прошу, очень прошу! – Дина умоляюще сложила руки на груди.

– Тогда я останусь.

– Ну вот и славненько, – одобрительно хлопнул ладонью по плечу Антона Плужников. – А мы пойдем.

Отправились налегке, взяв с собой лишь самое необходимое: ножи, веревки, спички, кое-что из еды, компас и тому подобное.

Уходя от импровизированного лагеря, Лена все время оглядывалась. Она могла бы поклясться, что видела, как над стоявшими на берегу двумя фигурами концентрируется тьма...

– Что ты все крутишься? – ехидно подтолкнула ее локтем Нелли. – Сама ведь оставила Антона с нашей тихоней, а теперь жалеешь, да?

– Нель, посмотри туда, ты ничего не замечаешь? – Тревожное выражение лица Осеновой заставило ее спутницу посерьезнеть.

Симонян остановилась, с минуту всматривалась в оставшуюся парочку, затем пожала плечами:

– Ленка, не дури. Что я должна замечать? Дина, Антон, озеро, избушка – ничего необычного. Кроме твоего поведения.

– Девчата, не отставайте! – недовольный голос Вадима дернул их за уши. – Так мы далеко не уйдем.

– Все-все, бежим.

Глава 4

– Ну, Венечка, ну удружил! – ворчал Борис, мрачно стегая срезанным прутиком кусты, мирно дремавшие вдоль тропинки. – Чтобы я еще хоть раз послушал тебя – нет уж, увольте! Теперь выбор маршрута будет прерогативой более адекватных людей.

– Это чьей же? – Путырчик моментально завелся и, взревывая движком, забегал вокруг Бориса.

– Моей, к примеру, или Вадима. Да девчата наши – и те...

– Что значит – «и те»? – Крепкий кулачок Нелли, ткнувшись в подреберье, направил вдох Бориса куда-то не туда, и бедняга закашлялся. Причем дуплетом, воздушные очереди шли и сверху и снизу.

Продолжать цапаться после столь пикантного соло господина Марченко участникам спора расхотелось. Да и цель их сегодняшней вылазки, речка с незатейливым названием Сейдьяврийок, равнодушно смотрела на приближающуюся группу.

– Зря, Бориска, ты на Венечку только что наезжал, – Ирина Плужникова восхищенно озиралась вокруг. – Неужели тебе безразлична красота здешней природы? Я, например, таких потрясающих пейзажей уже бог знает сколько лет не видела! Ты только посмотри, что за вид!

– Слушай, Ирка, – Марченко досадливо поморщился, – от твоего пафоса зубы сводит. Вот уж не ожидал от тебя! Хотя... – он покосился на Вадима, – твой романтичный настрой вполне объясним.

– Слушай, ты, – Плужников, вплотную приблизившись к ухмылявшемуся Борису, двумя пальцами ухватил того за нос. – Мне осточертели твои постоянные намеки. Если у тебя есть что сказать по поводу моей жены – говори. Причем глядя мне в глаза.

– Отпусти! – Борис хотел, вероятно, свирепо рявкнуть, но выдал поросычье крещендо. – Ты что себе позволяешь!

– Вадим, не надо! – С двух сторон на руках Плужникова повисли Ирина и Нелли. Хотя повиснуть получилось только у кругленькой Нелли, Иринин рост позволял ей достойно выглядеть рядом с почти двухметровым мужем.

Она укоризненно посмотрела на Вадима:

– Тебе не стыдно, а? Что ты вытворяешь? Ведешь себя, словно мальчишка-второклассник.

– Ирусик, солнышко мое, не вмешивайся, – процедил супруг, все еще не выпуская пойманного за хобот Бориса. – Он сам напросился. А ну, говори, трепло, что конкретно ты имеешь в виду?

– Да что же это такое! – От возмущения у Лены все более-менее вразумительные фразы рассыпались на осколки. – Вы!.. Совсем уже!.. Это!.. Чудь белоглазая!

– Что? – От неожиданности Вадим выпустил наконец покрасневший и распухший нос товарища и ошарашенно посмотрел на Осеневу. – Ты что мелешь? Какая еще чудь белоглазая? Это ты о ком?

– Да о тебе, медведь! Вон глазищи-то какие, побелели от злости. И, главное, на пустом месте свару устроили! Вот вам и аномальность места – в Москве все дружили, а здесь без конца ругаетесь! Или это из-за шамана? Местные ведь говорили, что нойда не любит туристов, что к нему надо приходиться только с конкретной просьбой, а не так, ради любопытства, – Нелли хлопотала вокруг пострадавшего, пытаясь приложить к лиловому баклажану, красовавшемуся теперь в центре разъяренной физиономии Марченко, свою алюминиевую кружку.

Кружка попалась веселая, норовила не приложиться своим холодным боком, а наложиться на нос целиком. Отчего Борис приобрел вид злобного муравьеда, застрявшего хоботом в кружке.

Напряжение, сосредоточенно стягивая в узел собравшихся на поляне людей, старалось завязать эмоции потуже. И вдруг взгляд его поскользнулся и упал на Бориса, сидевшего с кружкой на носу. И напряжение лопнуло, взорвавшись на тысячи щекочущих шариков смеха. Шарики рассыпались по лицам людей, забрались под одежду, табуном пробежались по телам.

И вскоре хохотали все, даже Борис. Ссора, так и не разгоревшись, возмущенно шипела, угасая. Стоило смеющимся начать успокаиваться, как кто-то всхлипывал:

– Чудь белоглазая!

И смех снова скручивал народ в затейливые спирали.

– Борька-то с кружкой!

Новый виток.

Если и были поблизости какие-нибудь злые духи с коварными замыслами, то повальный хохот раскидал этих духов по самым дальним потайным местам, напугав до... А до чего можно напугать духов? До смерти? Так они и так, в общем-то, не очень живые. До у..., м-м-м, до диареи? Тоже недоступное духам развлечение. Ладно, пусть будет «сильно напугав». Спрятались они, короче говоря.

А команда, нахохотавшись всласть, изнеможенно валялась на траве.

– Ну что, чудь белоглазая, дальше идем? – пробасил Вадим. – А кстати, Ленка, можешь хоть теперь объяснить глубинный смысл своих выкриков?

– Ой, хватит, не могу больше, – простонала Осенева. – Не напоминай. Главное – сработало. А тут еще Нелька с кружкой!

– Так я же хотела холодненькое приложить, чтобы отек спал! – всхлинула Симонян.

– А-а-а! – закрыл уши руками Венечка. – Хватит! У меня живот болит от ржача! А нам еще идти! Куда-то.

– Может, ну их, и эту речку, и этого шамана, – Ирина блаженно привалилась к плечу мужа. – Давайте опять ягод наберем – и обратно в лагерь.

– Нет уж, раз пришли – надо через нее переправиться. К тому же – настоящий нойда! Попросим его наше будущее предсказать.

– Не надо! – невольно отшатнулась Ирина. – Не хочу знать будущее! А вдруг плохое предскажет?

– Ладно, будешь сейды на том берегу изучать, пока мы с нойдой пообщаемся. Ишь, облепилась! – шутливо щелкнул жену по носу Вадим.

– Эй-эй, поосторожнее, – Лена бросила в Плужникова шишкой, – что-то ты сегодня к носам странную тягу испытываешь.

– Не-е-ет, этот носик я не обижу, я его люблю, – и, чмокнув предмет любви, Вадим встал. – Рота, подъем! На первый-второй рассчитайся!

– Все-таки правильно тебя тогда, на станции, Антон назвал, – беззлобно проворчал Марченко, с кряхтеньем выкорчевывая себя из земли.

– Ладно, Борька, не злись, сам виноват, треплешь языком много.

– Зато теперь могу этим самым языком до носа достать, и все благодаря тебе, – Борис тут же продемонстрировал сказанное, что в данной ситуации проделать было довольно просто: нос допук почти до губы.

– Ну извини, не хотел, – Вадим, едва сдерживая улыбку, протянул Борису руку: – Мир?

– Мир, что с тобой, здоровяком, поделаешь, отрастил лапищи, – ответил рукопожатием Марченко.

– Вот и ладно, вот и хорошо, – Ирина потянула мужа за собой. – Пора идти, отдохнули – и хватит.

– Да уж, повеселились, – добродушно улыбнулся Борис, направляясь следом.

Лена слегка замешкалась, заметив развязавшийся шнурок на кроссовке, и потому шла последней. И смогла увидеть то, что смутило и даже слегка напугало ее.

Но по-настоящему она испугалась, когда увидела «мост» через реку Сейдьяврийок. Потому что ТАК назвать хлипкое сооружение, состоящее из трех рядов гнилых досок, мог только самый большой оптимист в мире. И то, что «опора» судорожно вцепилась стальными петлями в стальные же тросы, не делало ее надежнее. Если только для стаи обезьян, привыкших обходиться верхними конечностями при передвижении с лианы на лиану.

– Я туда не пойду! – словно прочитала Ленины мысли Нелли. – Здесь только Дина смогла бы перепорхнуть, а под нами это убожество рухнет окончательно.

Мост радостно ощерился всеми своими многочисленными дырами и согласно закивал, раскачиваясь на ветру: «Ага-ага, еще как рухну!»

– Может, вплавь? – пожегил Венечка, глядя на веселые качели.

– Ага, счаз! – фыркнул Борис. – Это тебе не озеро, где водичка кое-как прогрелась, здесь моментально задубеешь! Да чего вы боитесь, в самом-то деле! Бывают и похуже переправы, а здесь только середина прогнила, по краю пройти можно.

– Вот и давай, показывай. Прошу! – Вадим склонился в шутовском полупоклоне, уступая Марченко дорогу.

– Как нечего делать! – усмехнулся тот.

И ступил на скалившийся мост. Не ожидавший подобной наглости весельчак вздрогнул всем телом, и Борису пришлось вцепиться в трос обеими руками. Остальные напряженно смотрели на товарища, Нелли прижала руки к губам, словно сдерживая крик.

Пару минут Борис стоял неподвижно, успокаивая мост. И тот действительно перестал трястись. Мелкими шагами, держась края, где доски и на самом деле были более-менее целыми, Марченко двинулся вперед. Он перебирал руками вдоль троса, ни на мгновение не оставаясь без опоры. И через несколько минут стоял на противоположном берегу реки, победно размахивая руками.

Вдохновленные примером товарища, двинулись в путь остальные. Нелли, затем Венечка, Ирина, Лена – все они очень мужественно, взвизгнув всего каких-то раз тридцать, преодолели переправу. Вадим шел последним, подстраховывая девушек.

Он двигался размеренно и неторопливо, улыбаясь в ответ на подбадривающие вопли команды.

Прыгавшая чуть ли не выше остальных Лена вдруг почувствовала какой-то диссонанс. Все еще смеясь, она оглянулась и захлебнулась смехом, обжегшись о странное выражение лица Бориса Марченко. Сузив глаза, он один не вопил и не подбадривал Вадима. Он просто смотрел. Взгляд его был пустым, словно остекленевшим.

В следующее мгновение дружное «ах!» заставило Лену повернуться к Вадиму.

Чтобы с ужасом наблюдать, как он падает, провалившись сквозь доски, падает ужасающе медленно, словно сквозь желе.

И скрывается под водой...

Глава 5

– Вадим! – Страшный, горловой крик Ирины наотмашь хлестнул по барабанным перепонкам, заставив их болезненно завибрировать.

Лена непроизвольно схватилась за уши, от вибрации голова буквально раскалывалась на части, а мозг категорически отказался работать, отдавая команды телу.

И Лена могла только наблюдать за происходящим. А происходящее, вдохновенное наличием зрительской аудитории, стало расходящим, то есть разошлось вовсю.

Вовся, несмотря на забавное название, выглядела отвратительно. Вадим то появлялся на поверхности воды, то снова исчезал, течение с упорством маньяка волокно его на камни, но Плужников пока сопротивлялся. Видно было, что надолго его не хватит, ледяная вода, вступив с течением в сговор, стремилась удержать добычу. Видимо, столь крупная жертва реке давно не приносилась.

А на берегу бестолково суетились товарищи жертвы. Борис сосредоточил свои усилия на сдерживании Ирины, рвавшейся туда, в реку, на помощь мужу. Путырчик метался вдоль берега, выкрикивая бессвязные команды. В воду зайти Венечка не решался. Нелли, сосредоточенно сопя, пыталась сломать молодую березку, на свое несчастье росшую неподалеку. Березка, сосредоточенно сопя, сопротивлялась, отбиваясь ветками.

А губы Вадима синели все больше, взмахи рук становились все слабее. Река радостно вихрилась водоворотами, предвкушая победу.

И в этот момент Лена разъяренной кошкой метнулась к Марченко и пнула того в голень. Борис взвыл, отпустил Ирину, освободив руки для баюканья обиженной ноги.

– Сдурела?!

Его возмущенный вопль Лена оставила без внимания, сосредоточив его, внимание, на Ирине. Хотя та и была покрупнее Осеновой, но гибкость и тренированность Лены не оставили рослой блондинке ни единого шанса. Она, направленная мощным толчком, улетела в прибрежные кусты.

А следующий волшебный пендель достался Венечке, лишив Путырчика выбора. Оказавшись в реке, выпрыгивать оттуда с поросычьим визгом было бы совсем по-свински. Хотя очень хотелось. Но вконец рассвирипевшая кошара на берегу, запинывавшая сейчас в воду обалдевшего Марченко, внушала Венечке мистический ужас.

Свои действия Лена подкрепляла отнюдь не девичьим лексиконом, в бригаде портовых грузчиков она бы не затерялась.

Суть ее высказываний сводилась к следующему:

«Милостивые государи, а вам не кажется, что ваше отнюдь не джентльменское поведение грозит большими неприятностями нашему общему другу? И если вы, сэры и недосэрки, немедленно не займетесь спасением онога, ваша мужественность подвергнется чудовищному надругательству, после чего вы легко пройдете кастинг в группу теноров областной филармонии Йошкар-Олы. Да, кстати, вот вам веревка, и потрудитесь вытащить Вадима на тот берег, с которого мы ушли».

Помощь подоспела вовремя, Вадима подняли почти со дна реки. Веня и Борис справились с поставленной (впрочем, грубо засаженной будет вернее) задачей довольно успешно, и вскоре все трое распластались на нужном берегу реки.

К этому моменту женская часть коллектива смогла снова преодолеть пакостливо ухмылявшийся мост и приступить к реанимации синих от холода мужчин.

Для начала их заставили раздеться. Марченко и Путырчик справились с этим самостоятельно, Вадиму помогла жена. Она же растерла мужа водкой, предусмотрительно захваченной

из лагеря. Конечно, захватанная водка рассчитывала на иное завершение жизненного пути, но так даже достойнее. Она, водка, спасала здоровье, а не гробила его, как обычно!

Бориса с удовольствием растерла Нелли, Венечке пришлось справляться самостоятельно. Попросить все еще искрящую злостью Осеневу он не рискнул. Путырчик бросал, конечно, на Лену жалобные взгляды, но, окосев от холода, все время промазывал, и взгляды рикошетили о деревья.

Осенева, наблюдая за постепенно меняющимися цвет с синего на красный мужчинами, вовремя определила момент, когда внутреннее употребление средства для растирания стало предпочтительнее наружного.

Она вытащила из своего рюкзака плоскую фляжку с коньяком и подняла ее вверх:

– Ну, мальчата, кто из вас в состоянии самостоятельно подойти к тете Лене и угоститься армянским пятизвездочным?

– А тетя Лена больно драться больше не будет? – опасливо поинтересовался Венечка, с вождением глядя на сосуд с драгоценной влагой.

– А надо? – усмехнулась тетя. – Понравилось? И Борюсе тоже?

– Да иди ты! – огрызнулся Борюся, злобно глядя на обидчицу. – Совсем рехнулась баба. Что, по-хорошему нельзя было?

– Это как?

– Ну, подойти, сказать...

– Книксен с реверансом изобразить, да? – снова начала свирепеть Осенева. – А Вадька тем временем успешно утонул бы. Как вам не стыдно вообще?! Зайцы трусливые!

– Но-но, ты поосторожнее словами-то разбрасывайся! – окрысился Борис.

– Лена, ты чего на них наезжаешь? – Нелли решила вступить за свою симпатию. – Боря Ирочку не пускал в воду, а то и ее пришлось бы спасать.

– Во-первых, не факт, Ирка классно плавает. Во-вторых, можно было сделать как я. А в-третьих, ты-то зачем над березкой измывалась?

– Я... – Нелли покраснела. – Я хотела Вадиму ее протянуть, чтобы он ухватился.

– Сильно, – кивнула Лена. – Впечатляет.

– А как ты – это значит зашвырнуть в кусты? – хихикнул Венечка. – Вот уж не думал, Осенева, что ты такая здоровая. Тонкая вроде, гибкая, а пнула меня, как орловский жеребец.

– Тогда уж орловская кобыла, – Борис криво улыбнулся.

– А кстати, – озадачилась Нелли, – почему ты велела Вадьку именно на этот берег вытаскивать?

– Потому. – Лена встряхнула фляжку, проверяя наполненность. Изнутри сыто плеснулось – полная. – Как ты себе представляешь обратную переправу через мост вымокших и замерзших мужиков? А тем более – дальнейший поход к шаману?

– Слушай, – в карих глазах Нелли промелькнуло восхищение, – как же ты быстро реагируешь в критической ситуации! И пусть теперь только кто-нибудь из мужчин что-то крикнет насчет куриц безмозглых!

– Все, хорош базарить! – Вадим поднялся, его слегка качнуло, но жена успела поддержать. – Спасибо всем. Как бы там ни было, но вы меня спасли. Лен, предложение насчет коньяка в силе?

– Еще в какой! На, хлебни хорошенечко, – и заветная фляжка, жеманно хихикнув, перебралась в сильные мужские руки.

– Эй-эй! – всполошился Путырчик, глядя на блаженно зажмурившегося Вадима. – Все не выхлебай, спасателям хоть немного оставь.

– Держи, спасатель.

Небольшая была фляжечка, прямо скажем. В данной ситуации гораздо уместнее была бы фляга с молокозавода, но не с молоком, а с бражкой. Это ведь не тусовка сомелье, а три вымокших, замерзших, перенервничавших мужика.

Солнце, сжалившись над незадачливыми исследователями непознанного, решило подкинуть кусочек южного лета и включило горелки на полную мощность. Одежда, развешанная на кустах, высохла меньше чем за час, народ это время употребил с чувством, с толком, с расстановкой. Поели хорошенечко, облегчив обратный путь к лагерю. Впрочем, облегчили они рюкзаки, набив при этом животы. Путь в лагерь, обидевшись на такое неспортивное поведение, вытянулся и выгнулся, в общем, стал длиннее и сложнее.

Во всяком случае, так показалось измотанным туристам. Желание еще раз посетить истоки речушки Сейдъяврийок почему-то больше никого не посещало. А если и появлялось поблизости, с робкой надеждой глядя на возможного носителя, то подвергалось жесточайшей обструкции. После чего у желания в перспективе было только общение с ежиками. А зачем ежикам речка? Не говоря уже о шамане.

Падение Вадима с моста и последующая суета заставили Лену забыть о своих недавних ощущениях. Но по мере приближения к лагерю ощущения рискнули напомнить о себе, и непонятная тревога с радостью вернулась в облюбованное местечко – душу Осеневой.

И занимала там все больше места, выталкивая, словно кукушонок, остальных обитателей гнезда. И заставляя хозяйку ускорять шаг.

– Ты куда так несешься, Осенева? – пропыхтел Венечка, давно уже сбивший дыхание в кучу. – Неужели так соскучилась?

– По кому это? – Раздувшаяся тревога покусилась и на способность Лены вовремя реагировать на выпады в свой адрес.

– Не по Динке, конечно, – Борис, пакостно ухмыльнувшись, подмигнул своей недавней обидчице. – Там же сладенький Тони остался!

– А ты что, его облизывал? – заинтересовалась Лена. – И в каких местах Тарский особенно сладкий?

– Вот же змеюка! – Борис демонстративно обнял Симонян. – Если бы не Нелечка, совсем плохо пришлось бы. Именно такой, как она, и должна быть настоящая женщина – мягкой, нежной, податливой...

– Ты свиную отбивную сейчас описывал или Нелли? – хихикнула змеюка. – Какие-то эпитеты у тебя гастрономические.

Словесная пикировка с Марченко немного отвлекла Лену, на душе было уже не так мутно.

Наконец впереди забликовала вода Сейдозера. Солнце по-прежнему играло в южное лето, поэтому и поверхность озера вообразила себя морской. И на мгновение Осеневой показалось, что она не на Кольском, а на Крымском полуострове. В памяти, не забыв по пути хорошенечко пнуть тревогу, веселыми мячиками запрыгали стихи Анны Лощининой:

Солнечный ливень над морем,
Шоу дельфинов вдали,
Запах лаванды в Мисхоре
Там, на краю Земли.
Дальше – вода и ветер,
Небо пьет глубину,
Белым и синим цветом
Гладит свою вину.
Горы ревнут море,
Горы крадут облака,

Чтобы пушистым не был
Шепот издалека.

Лена с большой симпатией относилась к творчеству Анны. И пусть ее первый сборник стихов поначалу вызывал интерес только благодаря личности мужа Лощининой, Алексея Майорова, живой легенды российского шоу-бизнеса, но потом на первый план вышли сами стихи, да там, на первом плане, и остались.

И сборник стал бестселлером.

Задумавшись, Лена не заметила, что они уже подошли вплотную к месту стоянки, которое встретило компанию тишиной и распахнутой настежь дверью избушки.

– Дина, Антон, вы где? – сложив ладони рупором, завопил Путырчик. – Мы уже вернулись, быстренько прекращайте делать то, что вы делаете, застегивайтесь и выходите!

– Фу, какой ты циничный, Венечка, – хихикнула Нелли, не выпуская приватизированную руку Бориса.

– Это не я такой, это жизнь такая, – Веня зашел в избушку и через минуту вышел оттуда, растерянно оглядываясь: – А их там нет! Эй, вы где?! Не дурите, выходите!

Тишина. Даже эхо молчало.

Глава 6

Нелли растерянно оглянулась на Осеневу:

– Лена, мне почему-то стало страшно. Помнишь, мы когда утром уходили, ты все время оглядывалась? Ты что-то чувствовала, да? Что-то плохое?

– Да ерунда это все! – Вадим сбросил свой основательно отощавший захребетник. – Подумаешь, нет их! Прогуляться пошли или за ягодами решили отправиться, да мало ли еще занятий для парочки? Тем более что солнце еще не зашло.

– Действительно, народ, что вы паникуете раньше времени? – Борис ухмыльнулся. – У Квятковской, может, сейчас мечта сбывается.

– Фу, пошляк, – скривилась Ирина, направляясь к избушке. – У тебя одно на уме. Нелька, прими меры, пусть Марченко уgomонится.

– А я тут при чем? – Нелли густо покраснела, отпустила наконец руку своего обоже и с независимым видом пошла вслед за Плужниковой.

Независимый вид чувствовал себя некомфортно, упирался и верещал: «Пусти! Не умеешь носить – не хватай!»

Потом все переодевались, умывались, делились впечатлениями, солнце тем временем нехотя сползло к линии горизонта.

А на смену ему напозала тревога. Поначалу робко касаясь кончиками щупальцев, она постепенно набирала силу, чувствовала себя все увереннее, и касания превратились в удушающие захваты.

– Да где же они, в самом-то деле! – Первой не выдержала самая эмоциональная из присутствующих (куда денешься, горячая кавказская кровь обязывает!), Нелли Симонян. – Скоро стемнеет! Боренька, я боюсь!

– Действительно! – Вероятно, мало кто раньше видел в плотненьком, украшенном пивным пузцом, в школе на уроках физкультуры стоявшем в самом конце шеренги Борисе Марченко надежную опору и защиту. Рыхловатое лицо с крупным бесформенным носом, белесые ресницы, блекло-голубые глаза – внешность вовсе не героическая. Зауряднейшая, прямо скажем, внешность. Впрочем, женским вниманием Марченко обделен не был, все-таки собственный бизнес у мужика, но никто еще не смотрел на Бориса так, как Нелли. И хотелось оправдывать возложенные надежды, тем более что груз был приятным. – Мужики, пора отправляться на поиски.

– Кого искать будем? – Этот голос не спутаешь ни с одним другим.

– Ура, нашлись! – взвизгнула Нелли и бросилась к вошедшим.

– А мы и не терялись, – Дина прижалась к плечу Тарского. – Мы с Антошенькой тоже решили на экскурсию отправиться. Мы на остров Колдун ездили, вот!

– Куда?! – всполошился Венечка.

– На остров Колдун, – самодовольно ухмыльнулся Тарский. – Не знаю, почему мы туда еще не добрались, там так прикольно.

– Ой, а красиво как, вы бы видели! – Дина возбужденно затараторила, не забывая, впрочем, виснуть на своем спутнике. – А грибов сколько, а ягод! Я таких вкусных и крупных никогда еще не ела. И Антошеньке понравилось, да, милый?

– Милый? – хмыкнул Борис. – Вижу, тебя можно поздравить?

– Ты о чем? – немедленно покраснела Квятковская.

– Да все о том же.

– А ягоды и на самом деле классные, – Антон с хрустом потянулся. – Мы и вам привезли, мы не жадные. Правда, там кретин какой-то к нам привязался, мешал сбору припасов. Мычал,

пытался вырвать корзину из рук. Даже с колом наперевес на меня пошел, представляете? Ну, я не зря на ушу столько денег потратил, врезал ему пару раз хорошенечко, он и прилег отдохнуть.

– Да! – Дина восторженно хлопнула в ладоши. – Вы бы видели Тошеньку в этот момент – прямо как герой боевика! Бамс, бамс – и тот страшный тип отключился! А ведь здоровый такой дядька, волосатый, как набросится на нас на берегу, когда мы уже в лодку сядились! Рычит, мычит, пытается грибы с ягодами отобрать, жадина! Но ничего у него не получилось, потому что со мной был Тошенька!

– Что?! – Путырчик побледнел. – Вы... Вы привезли с Колдуна ягоды?!

– А еще и грибы, – Дина с обожанием посмотрела на стоявшего рядом самца. – Это он, Тошенька, о вас побеспокоился. Я, если честно, об этом даже не вспомнила бы, потому что...

– Можешь не продолжать, у тебя на лице написано – почему, – отмахнулся Веня. – Ну ладно Динка, с ней все ясно, добила своего, но ты-то, Антон, ты! Никогда не поверю, что ты забыл обо всем на свете после банального траха!

– Веня! – Осенева запустила в рыжего луковицей. Луковица звонко щелкнула по лохматому затылку. – За языком следи!

– Да при чем тут язык?! – Архивариус совершенно не обратил внимания на звон в затылке. – Вы что, не втыкаете совсем?! Они же вывезли с Колдуна добычу!

– Ну и что? – пожал плечами Вадим.

– Как это что?! Забыл, о чем я рассказывал?!

– Да ладно, – Ирина довершила разруху на Венечкиной голове, растрепав рыжие лохмы. – Подумаешь, вывезли! Но есть-то мы их здесь не будем.

– Что происходит? – Тарский стряхнул с плеча налипшую Дину и недовольно нахмурился. – Вы чего раскудахтались-то? Почему вы обратили внимание только на вывоз ягод и грибов и совершенно не заметили упоминания о странном аборигене!

– Ой! – Квятковская побледнела до синевы и прижала ладошку ко рту. – Я совсем забыла! Что же теперь будет? Тошенька, прости!

– Черт, а ведь Тарский и на самом деле ничего не знал, мы при нем об этом не говорили! – Лена обняла расплакавшуюся Динь.

– Мне кто-нибудь объяснит наконец, что происходит? – Видно было, что Антон разозлился всерьез.

– Пойдем-ка на свежий воздух, – Плужников взял сигареты и зажигалку. – А дамы без нас разберутся. Не волнуйся, малыш, – он чмокнул жену в щеку, – я все улажу.

Мужчины вышли из душевой избушки и устроились на бревне, сменившем профессию и ставшим скамейкой для туристов.

– Ну, – Антон выпустил через нос внушительный фонтан сигаретного дыма и повернулся к Плужникову, – чего я не знаю? Почему истерит Веня?

– Понимаешь, у местных существует поверье, что с острова Колдун ничего вывозить нельзя. Там можешь собирать все что угодно и есть, сколько влезет, но любая попытка прихватить что-либо с собой заканчивается плачевно. Наверное, поэтому мужик с острова и пытался отобрать у вас добычу, а ты избил беднягу.

– В смысле плачевно? Все рыдают, что ли? – хмыкнул Тарский.

– Не придуривайся, – Вадим поморщился, – ты же не такой кретин, каким кажешься.

– Вот спасибо!

– Вот пожалуйста. Короче, все, рискнувшие попользоваться вывезенным с острова, умирают. Причем смерть некоторых бывает, мягко говоря, нелегкой.

– Да иди ты! – Антон попытался лихо отщелкнуть окурков, но пальцы почему-то отказались подчиняться хозяину, и окурков, гнусно хихикая, совершил мягкую посадку на обтянутое джинсами колено. Джинсы немедленно потемнели от гнева. – Ч-ч-черт, вот же гадство! Джинсы подпалили!

– Во-о-от, начинается! – Плужников попытался сконструировать испуганную физиономию, но улыбка, ерзая в уголках глаз, испортила все дело.

– Ага, за попытку обокрасть остров Колдун мне грозит смерть на костре инквизиции, – разозлился Антон, рассматривая темное пятнышко на джинсах. – Вы что, всерьез верите в эти бредни? Взрослые вроде люди, а ведете себя порой хуже младенцев.

– Это в смысле – писаемся?

– Это в смысле – в сказки верите, – Тарский сбегал к озеру и через пару минут вернулся с ведром, до краев наполненным отборными грибами.

Белые, подберезовики, подосиновики гордо поигрывали мускулами, среди парней не было ни одного старенького и гнилого. Кокетливые лисички смущенно хихикали под кружевными янтарными шляпками. В целом уроженцы острова Колдун могли смело позировать для портфолио.

– Ты посмотри, красавцы какие! Представляешь, какую вкуснятину из них девчонки готовят! – Антон мечтательно зажмурился. – Мням! Их даже перебирать не надо, все суперские! А в лодке еще корзина с ягодами, те вообще заставят язык проглотить!

– Извини, но все это великолепие придется выбросить, – Плужников поднялся с бревна и направился к двери. – Все равно никто есть не будет.

– А спорим, Динка будет?

– Это вряд ли, она себе не враг. Зачем рисковать? Место это загадочное...

– Слушай, мы здесь уже сколько толчемся, обшарили все окрестности, заглянули под каждый камень – и что? Хоть что-то таинственное или мистическое произошло? – Антон снисходительно похлопал Плужникова по плечу. – Пора, друзья мои, признать, что приперлись мы в эту дыру совершенно напрасно, и попытаться хоть немного компенсировать моральные потери материальными благами. Рыбки наловить и засушить под московское пиво, грибов, ягод наесться от пуза. Чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы! – пафосно провыл он.

Дух Николая Островского грязно выругался и попытался придушить негодяя, издевающегося над выстраданными строчками, но призрачными руками это сделать не удалось.

Вадим протянул руку к двери, намереваясь открыть ее, но деревяшка, скрипуче хохотнув, распахнулась секундой раньше.

– Вы чего тут застряли? – Путырчик, выскочивший первым, едва не сбил приятеля с ног. – Неужели наш Тони так плохо соображает?

– Это наш Веник плохо соображает, – Тарский ловко посторонился, давая дорогу рыжей комете. – Иначе бы вместо бреда нес что-нибудь более полезное. И вкусное. Диночка, – мурлыкнул он, обнимая за плечи вышедшую вместе со всеми Динь, – девочка моя, ты ведь готовишь для своего Тони эти вкусные грибочки?

– Но... – девушка растерянно посмотрела на своего принца. – Разве Вадим тебе ничего не рассказал?

– Ой, неужели ты веришь в эту чушь? – Антон наклонился к полыхавшему ярко-алым маленькому ушку и, доведя концентрацию бархатистости голоса до предельно допустимой, проворковал: – Ты же такая у меня умничка, или я в тебе ошибся? Ты хочешь, чтобы я в тебе разочаровался?

– Нет, что ты, Тошенька, милый, я... – Губы Динь задрожали, глаза немедленно включили обильное слезоотделение, девушка судорожно вцепилась в смугло-гладкую руку и пролепетала: – Я приготовлю эти грибы, обязательно. Ты хочешь покушать сейчас или можно отложить до завтра?

– Ну что ты, маленькая моя, – Тарский победно глянул на Вадима, – сегодня уже слишком поздно. Да мы с тобой и наелись там, на острове. И устали, да, солнышко?

Солнышко старательно оправдывало заезженный эпитет, полыхая от смущения. Лена понимающе переглянулась с Ириной, тяжело вздохнула и удрученно покачала головой. Котяра, похоже, все же снизошел до влюбленной девушки и «осчастливил» бедняжку.

Теперь Дине Квятковской станет гораздо хуже.

Глава 7

Огромная, раздувшаяся от собственной значимости луна нехотя выпала из уютного облака. Без мягкой перины на небе было как-то некомфортно, сквозило со всех сторон, звезды издевательски хихикали над округлостями светила. И пусть упитанность эта была временной, через пару дней от нее ничего не останется – новолуние лучше всяких диет, но пока в перспективе была печальная участь: тяжелое, перенасыщенное отрицательной энергетикой полнолуние.

Луна ужасно не любила этот период, она ведь все-таки женского рода. К тому же двуличные звездочки, лъстиво заверявшие, что полная женщина – потаенная мечта любого нормального мужчины, за спиной светила всюду прикалывались по поводу отсутствия талии у красотики.

И потому каждое полнолуние красotka пребывала в отвратительнейшем настроении, что давно было отмечено обитателями планеты Земля. Недовольство луны пробуждало все самое темное в людях, провоцировало силы мрака на активизацию действий, на проведение отвратительнейших ритуалов, сопровождаемых кровавыми жертвоприношениями.

И один из таких ритуалов готовился сейчас на берегу Сейдозера. Вернее, начало ритуала, поскольку был он сложнейшим по выполнению и протяженным во времени. Это чудовищное по жестокости действие должно было освободить душу одного из сильнейших шаманов-ноид, несколько столетий тому назад залившего кровью и опутавшего ужасом эти места. Уничтожить его физически удалось только после того, как душа колдуна была заключена в один из камней-сейдов.

Но он не смирился. И остался в памяти людской в виде страшных сказок и легенд. Местные до сих пор верят, что душа шамана может освободиться, если к Сейдозеру придет подходящий носитель. Для этого не подходил любой смертный, нет, нужен был человек, чья душа сочилась такой же злобой, как и запертая душа шамана. Но самое главное – кандидат за право обладать сомнительной честью – стать сосудом для чужой сущности – не должен был дрогнуть при выполнении ритуала освобождения, осуществить все жертвоприношения в нужной последовательности и строго определенным способом, в каждом отдельном случае – своим. По одному на каждое полнолуние.

Много страшных легенд бродило, кашляя и подвывая, в этих местах. Следом тянулись поверья и сложившиеся веками традиции, одной из которых был, к примеру, запрет на вывоз с острова, где стоял камень-сейд с душой шамана, всего, что принадлежит этому острову. Местные боялись, что древний ужас может вырваться с любой мелочью.

Кто знает, сколько поверивших легенде приезжали к камню, рассчитывая на сомнительное могущество.

Нашелся такой человек и в цивилизованной Москве двадцать первого века. Откуда он узнал о шамане? Интернет, господа.

Перспектива возможной власти над судьбами людей настолько впечатлила его, что за дело он принялся с фанатизмом. Подходящие жертвы были отобраны и направлены в нужное время в нужное место. Причем будущие жертвы даже не подозревали, что их выбор места отдыха вовсе не был спонтанным. Как, впрочем, не был случайным и состав команды. И завтра, в полнолуние, один из них станет первой жертвой.

Начало выполнения ритуала освобождения духа вообще было самым сложным во всем, так сказать, процессе. Если не удастся вызвать мереченья, или, как еще называют это состояние – эмерика, ничего не получится. Иногда это состояние, похожее на массовый гипноз, возникает в этих местах спонтанно, но состыковать спонтанность и ритуал довольно сложно. Поэтому придется провести специальный шаманский обряд, описание которого будущий вла-

дыка мира нашел в старинных источниках. Но описание – это одно, а вот реальное проведение – совсем другое. Если что-то сорвется, будущие жертвы, считающие себя его друзьями, заподозрят неладное, и вся подготовка, все усилия пропадут даром.

Нет, нельзя сомневаться, все получится, шаман, рвущийся на волю, поможет.

Правда, до последнего момента оставалось невыполненным незначительное, но обязательное условие начала ритуала освобождения духа: все будущие жертвы должны были съесть хоть немного грибов с острова Колдун, места, где в свое время обитал шаман. Вроде мелочь, а как это сделать незаметно, когда все ходят гурьбой?

Но идиот Тарский, от которого носителя просто тошнило, неожиданно сделал хоть что-то полезное в своей никчемной жизни. И сейчас следовало выбрать из стоявшего возле крыльца ведра с грибами парочку экземпляров покрепче. Много не надо, ведь достаточно лишь попробовать.

А в том, что остальную добычу с острова Колдун кто-нибудь из туристов постарается тайком выбросить этой же ночью, кандидат в шаманы не сомневался. Может, даже и сам Тарский сделает это, ведь свою полную и безоговорочную власть над влюбленной девушкой он доказал, а рисковать даже по мелочам Тони не любит.

Так, который сейчас час? Ага, два часа ночи, самое сплющенное время, что подтверждалось многоголосым храпом и уютным сопением. Обычно мужчины-храпуны спали отдельно, на свежем воздухе, чтобы не мешать женской половине команды, но вечером совершенно неожиданно пошел дождь, и пришлось всем разместиться в тесной избушке. Что опять же упрощало задачу.

Будущий носитель осторожно поднялся со своего места, несколько мгновений постоял, прислушиваясь. Все спали. Что ж, пора.

Стараясь не создавать лишнего шума, он благополучно выбрался из заваленной сопяще-храпящими телами избушки. Ага, вот и ведро с грибами, заботливо накрытое от дождя целлофановым пакетом.

Вскоре три самых крепких боровика и несколько лисичек были прикопаны неподалеку. Завтра днем по-любому кто-нибудь притащит грибочков из ближайшего леса, тогда и нужные подсунем.

А сейчас – спать. Столько времени и сил угрохано на подготовку, сколько надежд возложено на грядущее могущество, и вот наконец этот момент настал! Завтра все начинается. А когда закончится...

Дождь, ввалившийся накануне вечером без стука, оказался не только дурно воспитанным, но и злокозненным. Мало ему, похоже, что слякоть и мокредь вокруг развел, так он еще и плохо выстиранное облачное одеяло с собой приволок.

И утро получилось унылым, блеклым, пасмурным. Осенним таким, противным.

– Бр-р-р, гадость какая! – Путырчик, зябко поеживаясь, закрыл за собой дверь избушки. – Вчера же еще так тепло было, я и выскочил в одной майке...

– Венечка, ну зачем же ты врешь, – Лена мрачно рассматривала в маленьком зеркальце свое несколько деформированное после сна лицо. – Мало того, что ты оказался жутким храпунуном, так ты еще и брехун. Одного не пойму – где в этом тощем теле размещается механизм столь мощного рева? Или это кости резонируют?

– Нет, ну ни фиги ж себе! – Архивариус от возмущения захлебнулся словами, пару секунд невнятно булькал. Потом на поверхность снова всплыли относительно связные фразы: – Это с какого перепугу я брехун?! Когда я брехал?!

– Да только что, – Осенева попыталась разгладить вмятину на щеке, оставленную спальным мешком, но, смирившись с неизбежным, позволила организму справляться с последствиями плохого сна самостоятельно. – Нагло заявил, что на улицу в одной майке ходил.

– А что, нет, что ли? – импульсивный Венечка от возмущения аж подпрыгнул, затем вцепился в край своей и без того растянутой тишотки и затряс им (краем). – Это что, потвоему, свитер? Пальто? Шуба?

– Майка.

– И почему я тогда брехун?

– Так на тебе ведь еще и портки есть, – ехидно сообщила Лена. – А было бы забавно, если бы ты до ветру голопопым бегал.

– Размечталась, – буркнул Путырчик, вытаскивая из рюкзака свитер. – Народ, там, на воле, сейчас архигадко, сколько нам до отъезда дней осталось?

– Да всего три, – усмехнулся Вадим. – Выдержишь, незабудка ты наша хрупкая?

– Сам ты незабудка! – Путырчик швырнул в приятеля комком непонятого происхождения. – Можно подумать, ты любишь серую осеннюю гнусь. А под мелким морозящим дождичком мокнуть – чистый кайф!

– Веня!!! – грянул возмущенный женский хор, когда комок, не долетев до цели, развернулся и радостно оповестил органы обоняния присутствующих о своем пикантном секрете. – Свиныя ты противная! Ты что, носки свои в принципе не стираешь или только здесь?!

– А где вы видели свинью, стирающую носки, – хмыкнул рыжий, ничуть не смутившись. – И вообще, дамы, вам не кажется, что пора завтракать? Или хотя бы приступить к приготовлению пищи?

– Точно! – Тарский гибко поднялся с пола, с хрустом потянулся и погладил мгновенно прильнувшую к нему Дину по голове: – Ну что, малыш, угостим народ грибной жарешкой и морсом из ягод, а? Давай, давай, похлопочи там, хозяйюшка моя!

От этой фразы, произнесенной особенно проникновенно, девушка впала в гипнотический транс. Она кивнула, осмотрела всех совершенно расфокусированным взглядом и пролепетала:

– Все будет готово минут через двадцать-тридцать. Потерпите?

– Дина! – рявкнула Осенева, с гадливостью отвернувшись от самодовольно ухмылявшегося самца. – Не смей!

– Значит, договорились? – Судя по улыбке, Квятковская реагировала только на своего Тони, все остальные внешние раздражители для нее не существовали.

Девушка потерлась, словно кошка, о руку ненаглядного и направилась к выходу. Остальные потянулись за ней, старательно обходя Тарского.

– Соотечественники, оденьтесь потеплее, там гнусно!

– Спасибо, сердобольный ты наш! – Вадим хлопнул Путырчика по плечу, снял с гвоздя, вбитого в стену, висевшие там ветровки и раздал остальным.

Там действительно было гнусно. Мокро, сыро, поверхность озера из голубой превратилась в свинцово-серую, дул пронизывающий ветер. Переход к осени здесь, на севере, был слишком уж резким.

Курильщики отошли в сторону и осчастливили себя первой утренней сигаретой. Лена и Нелли, не принадлежавшие к этому племени, с сочувствием наблюдали за суетившейся Диной.

Та несколько раз обежала вокруг избенки, затем сбегала к озеру, пошебуршилась возле лодки, вернулась и растерянно затопталась на месте.

– В чем дело, малыш? – Тарский выщелкнул окурочек в кусты и подошел к девушке.

– Тошенька! – всхлипнула Дина. – Все пропало!

– Что пропало?

– Все! И грибы, и ягоды! Ведро пустое вон валяется, и корзина тоже! Кто-то ночью все выбросил. Что же делать?

– Народ, ну вы уроды! – Антон успокаивающе обнял расплакавшуюся девушку. – Из-за ваших идиотских суеверий мы останемся голодными! Это же надо – не полениться встать ночью, утащить в лес ведро и корзину...

– А никто в лес и не ходил, – Борис, всмотревшись, подошел к яме, выкопанной специально для мусора. – Вон ваша добыча, прееет среди гнили. Похоже, наш неведомый доброжелатель предварительно хорошенечко потоптался по грибочкам.

– Это не доброжелатель, это трус, – Тарский презрительно поморщился. – Неужели он предполагал, что мы будем выковыривать еду из мусора? Топтать-то зачем? И что теперь жрать будем?

– Во-первых, не жрать, а есть, – процедила Лена. – А во-вторых, можно подумать, что твоя добыча была нашей последней заначкой. Девчата, пойдем кашу сварим нытикам! А после завтрака мужчины пусть на рыбалку отправляются.

– А вы – за съедобными корешками, – хмыкнул Борис. – Напоследок проживем в перво-бытнообщинном строе.

Глава 8

Конечно, до одежды из шкуры мамонта и ухаживаний с помощью дубины дело не дошло, но переход исключительно на дары природы активизировался. Было ли основной причиной этого желание насытиться натуральными продуктами накануне возвращения в мир цивилизации и химии или плохая погода, не располагавшая к исследовательским походам – какая разница? Может, народ просто решил поиграть в «Последнего героя»?

Важен результат. А он оказался впечатляющим: представители мужской половины племени Озера наловили рекордное за все время пребывания в этих местах количество рыбы. Впрочем, лучшая половина тоже не подкачала – притащили из лесу целую толпу грибов.

Даже Тарский (впервые в жизни, похоже) взял в руки удочку. Спиннинг ему не доверили, иначе у товарищей по половой принадлежности могли пострадать основные признаки этой принадлежности.

Правда, обильная добыча отомстила победителям: пришлось пару часов потратить на подготовку ее к употреблению. Сначала все вместе чистили и потрошили рыбу. Излишки засолили – в Москве под пиво да под воспоминания, м-м-м! Потом перебрали грибы.

А потом была царская трапеза, пусть и несколько запоздалая, зато обильная. Тут тебе и тройная уха, и запеченная в костре рыба, и гречневая каша с грибами, и просто жареные грибы.

Расположились на берегу озера с максимально возможным комфортом, поскольку оставшиеся до отъезда дни решили не ждать милостей от природы, а нахватать их по максимуму. В том числе и вкусного воздуха, и завораживающих своим величием озера, гор, леса. Поэтому душная изба в качестве столовой больше не устраивала.

И на берегу, пока дамы кухарничали, мужчины соорудили импровизированную беседку. Приволокли бревна для сидения, между ними вкопали стол, экспроприированный у избышки. Из палаток сделали навес от дождя, и ресторан «Поплавок» к вашим услугам!

– Эх, лепота какая! – Путырчик плотоядно потер руки, осматривая пыхтящий от натуги стол. – Сюда бы водочки грамулек пятьсот, и – захлебнитесь завистью, мажоры московские!

– Меньше надо было в первые дни к жидкому запасу прикладываться, – проворчал Борис. – Сейчас бы как нашли.

– Как нашли, говоришь? – Вадим хитровато прищурился и переглянулся с женой.

Та улыбнулась и кивнула. Плужников метнулся к кустам, притулившимся под окном избышки, пошуршал там и, торжественно вышагивая, вернулся к столу. В руках его уютно устроились две заспанные бутылки с прозрачной жидкостью.

– Это то, что я думаю? – сипло проклекотал Венечка, трудно сглотнув.

Ирина кивнула.

– Но откуда? Как?!

– В жены, Венюша, надо выбирать мудрых и предусмотрительных женщин, – улыбнулся Плужников. – Если бы не Иришка, фиг бы мы сейчас радовались. Это она посоветовала сразу же спрятать пару бутылок водки, чтобы было чем отметить отъезд.

– А ведь спорил со мной до истерики, – усмехнулась Ирина, – доказывал, что ничего прятать не надо, и так останется. «Мы же не пить сюда приехали!»

– Ура Ирке Плужниковой! – заорал архивариус, выхватил у Вадима одну бутылку и закружил стеклянную барышню в танце.

– Осторожнее, чертяка рыжий, разобьешь ведь! – Борис переполошился и хотел было остановить Путырчика, но Нелли придержала его за локоть:

– Успокойся, Боречка, он себя прежде уронит. И вообще, хватит болтать, все за стол! Остынет ведь все, и будет невкусно.

– Шашлычок под коньячок вкусно очень, – пропел Веня и подмигнул компании. – А у нас – ушица под водочку! И плевать, что нескладно, зато вкусно!

Все получилось очень даже душевно, засиделись до позднего вечера. Ели, пили, пели, шутили, смеялись. Расходиться не хотелось, поскольку все понимали – этот вечер больше не повторится. Будут другие, но такого единения, такой общности душ больше не будет. Потому что возвращаться на берега Сейдозера компания не собиралась. Да, отдохнули неплохо, загорали, купались, рыбачили. В походы ходили, но главной цели своего путешествия так и не достигли. Ничего мистического и таинственного здесь не было.

Ну и фиг с ним.

Ближе к ночи облака рассеялись, и из них выпала гигантская луна.

– Ой, большая какая! – Динь испуганно прижалась к плечу Тарского. – Я такую только на картинках видела. Отчего это? Почему в городе луна всегда на монетку похожа, а тут – даже страшно становится!

– Да ладно тебе, – Антон пренебрежительно дернул плечом, – чего тут страшного-то? Что ты выдумываешь? Ну, здоровущая луна, и что с того? Бледная блямба на небе.

– Фу, какой ты все же неромантичный! – разомлевшая Нелли подняла голову с плеча Бориса. – «Бледная блямба»! И это о светилах, которому посвящено столько стихов и прозы!

– Между прочим, Динь права, – Лена задумчиво рассматривала занявший чуть ли не полнеба серебристо-желтый круг. – Есть в ней что-то зловещее. Словно кто-то равнодушно рассматривает нас из бездонного царства мрака.

– Лена, не надо, мне страшно! – В голосе Динь зазвенели слезы, она зажмурилась и вжалась лицом в облюбованное плечо Тарского. – Она не равнодушно смотрит, она словно выбирает...

– Что она выбирает? – Антон явно начал раздражаться. – Духи, помаду, туфли? Что ты несешь? Не порти нам вечер!

– Прекрати орать на Динь! – прошипела Осенева, сидевшая напротив сладкой парочки. – Так нельзя! Просто она у тебя очень чувствительная и реагирует на все гораздо сильнее нас.

– Почему сразу у меня? – окончательно рассвирепел плейбой. – Двух дней не прошло, как я ее трахнул из жалости, и вы нас уже поженили! Да если бы я женился на всех, кого трахал, у меня бы уже тысячный гарем был!

– Тони? – Квятковская подняла залитое слезами лицо. – Что ты такое говоришь, Тошенька?

– Антон, – на скулах Вадима вспухли желваки, – если ты немедленно не прекратишь...

– То что? – Тарский вскочил, перешагнул через бревно и заорал: – Что ты мне сделаешь? Побьешь? А я в Оленегорске сниму побои, а в Москве отнесу заявление в милицию! Достали вы меня все! Сначала бухтели, чтобы я был поласковее с этой липучкой – ладно, стал поласковее. Ей понравилось. Зато прилипла теперь намертво – не оторвешь. А я ведь ехал сюда не ради этой бледной немочи, а ради тебя, Ленка!

– Напрасно.

– Да если бы я знал, чего это будет стоить, плюнул бы на все и умотал на Канары! Все равно все бабы устроены одинаково, и если ты, Осенева, возомнила себя особенной – то позволь тебя разочаровать, ничего в тебе нет, кроме гонора и выпендрежа! А могла бы покайфовать, да еще как! Впрочем, подробности можешь уточнить у своих подружек, они, думаю, с удовольствием поделятся впечатлениями.

– Ты что имеешь в виду, урод? – Вадим начал медленно подниматься.

– За языком следи, а? – побагровел Борис.

– Да пошли вы все на...!

Этой изысканной фразой Тарский решил поставить точку в дискуссии.

Для придания точке весомости следовало в ускоренном темпе покинуть место дебатов, иначе можно было огрести кое-чего более весомого.

И Антон, презрительно усмехнувшись, спортивным шагом направился к избушке. Впрочем, попой он не вилял, а значит, к спортивной ходьбе метод его передвижения отнести было нельзя.

Он просто быстренько свалил.

А в беседке главным действующим (вернее, бездействующим) лицом была тишина. Причем не благостная тишина храма, а пульсирующее напряжением затишье перед взрывом.

Который вскоре и бабахнул. Горько, навзрыд плакала Дина, возмущенно галдели Ирина и Нелли, оскорбленные намеками Тарского, Лена с трудом удерживала на месте рвущихся хорошенечко напирать паршивцу мужчин.

В целом все было очень мило.

Веселье продолжалось минут сорок, а потом постепенно утратило интенсивность. Осталось только ощущение гадливости.

Лене нестерпимо захотелось погрузиться в ароматную ванну, украшенную пышной пенной шапкой. Закрыть глаза и впасть в нирвану, очиститься душевно и физически.

– Это же надо было так испортить всем настроение! – Путырчик крутил в руках пластиковый стаканчик, тщетно надеясь, видимо, что сила верчения выдавит из стенок хоть пару капель релакса. – И зачем мы только этого уроду с собой взяли! Я сразу был против!

– Кто ж знал, – Нелли тяжело вздохнула. – Он вел себя вполне нормально, кадрил Ленку...

– Это я виновата, – прохлюпала Динь. – Тошенька из-за меня так разозлился. Но я, честно, думала, что он тоже в меня влюбился!

Видимо, девушка обладала неиссякаемым источником слез. Очередные ручейки заструились по промытому руслу. Но успокаивать ее никто не спешил. Все немного подустали опекать плаксивую и пугливую библиотекаршу, к тому же доля правды в ее нытье была.

В общем, вечер, начавшийся так душевно, закончился плачевно.

– Пойдемте-ка спать, – Вадим поднялся со своего места, – поздно уже.

Он обнял жену за плечи, и Плужниковы направились к избушке. Остальные потянулись следом. Но тянуться пришлось недолго, поскольку флагманы вдруг резко остановились, едва открыв дверь.

– Эй, чего встали-то? – заерзал оказавшийся в арьергарде Венечка.

– Вы только посмотрите на этого наглеца! – Вадим сжал кулаки, словно пытался расплющить искомого наглеца.

– Ни фиги себе! А ну, пошел вон с кровати! – петухом выскочил вперед архивариус. – Это постель девчонок, они там по очереди спят!

– А сегодня посплю я, – Тарский, удобно устроившийся на единственной кровати, лениво приподнялся. – Хватит бабье баловать.

– Сейчас я тебя за ноги выдерну, – Вадим направился было к кровати, но Ирина схватила мужа за руку:

– Не надо, не пачкайся об эту мразь. Все равно он уже изгадил собой постель, никто после него не ляжет. Пусть дрыхнет здесь, а мы давайте сегодня поспим на свежем воздухе. Дождя не будет, там прояснилось, да и потеплело слегка. В беседке нашей сухо, так что в спальниках не замерзнем. В Москве еще духоты нахлебаемся, а сейчас давайте спать под звездами.

– Охренеть, как романтично, – фыркнул Тарский, поворачиваясь ко всем спиной.

Глава 9

– Все-таки милашка Тони воспитывался в курятнике, – Лена мстительно пнула валявшийся у порога избушки обломок коряги странной формы, автоматически отметив, что прежде этого черного уродства здесь не было.

– В смысле – петух? – хмыкнул Борис. – Похож, конечно, слишком уж смазливый, но он вроде бабами интересуется. Или, думаешь, он «би-»?

– Сам ты «би» озабоченный! – Лена чувствовала, как внутри поднимается черная, удушливая волна гнева, готовая смести все светлое, что было в душе девушки. – Ни о чем, кроме секса, думать не можешь!

– Ты чего вызверилась? – отбил пас злобы Марченко. – Сама же сказала, что Тарский в курятнике воспитывался!

– Я имела в виду старинное правило курятника, которое Антоша соблюдает неукоснительно – клюй ближнего, гадь на нижнего!

– Фу, Лена, – смутилась Динь. – Ты чего материшься?

– Во-первых, я не матерюсь, а сквернословлю, – огрызнулась Осенева. – Разница пусть небольшая, но есть. Во-вторых, прекрати изображать из себя воспитанницу Смольного, о'кей? Надоело уже с тобой нянчиться, пылинки сдувать! Все равно слезы бесконечные, ты из Сейдозера море сделала своими слезами!

– Лена, ты что?! – В подтверждение слов подруги широко распахнутые глаза Квятковской немедленно налились слезами. – Почему?! Я... я думала, ты самая добрая, самая лучшая, а ты...

Она развернулась и, всхлипывая, бросилась за угол избушки.

Наверное, Дина надеялась, что, как это было всегда, за ней немедленно бросится кто-то из девушек, дабы утешить и поддержать.

Напрасно.

Там, у порога избушки, лесным пожаром разгорался скандал. Покраснев от ярости, недавние друзья орали друг на друга до хрипоты, до покраснения глаз, до брызжущей слюны. И причиной вселенского ора вовсе не была выходка Тарского или грубость Лены. Ее, причины, по сути, не было. Все орали на всех, вспоминая малейшие обиды или досадные недоразумения. И больше всего походили сейчас на стаю бесноватых павианов, а не на гордых представителей человеческого рода.

Когда накал злобы достиг апогея, на берег Сейдозера внезапно свалилась тишина. Мгновенно так бухнулась душным облаком, накрыв собой все. И всех.

Люди замерли в тех позах, в которых застал их обвал тишины. На их лица вкрадчиво вползло да так там и осталось равнодушие манекенов.

Затем они выпрямились, одновременно повернулись в одну сторону – к Полярной звезде – и, подняв лица вверх, запели. Странными, горловыми какими-то голосами, причем на совершенно незнакомом им языке.

Незнакомом потому, что этого языка давно уже не существовало. Цивилизация, которая общалась на нем, исчезла с лица Земли много веков назад, оставив после себя лишь обрывочные сведения да название – Гиперборея.

Закончив петь, люди выстроились в круг и сначала медленно, затем все быстрее и быстрее двинулись по часовой стрелке. Вот они уже бегут, молча, сосредоточенно, словно за кем-то. Или зачем-то.

Вряд ли догонят. Круг все-таки.

Споткнувшись, падает одна из девушек, на нее налетают остальные и молча, словно куклы, валятся друг на друга. Они тяжело дышат, волосы взмокли от пота, но лица по-прежнему безразличные. Встать никто даже не пытается.

К лежащим подходит человек. Он полностью обнажен, тело в свете луны выглядит мертвенно-бледным, отчето узор, нанесенный на грудь и плечи, кажется черным. Но он не черный.

В руках у человека та самая странная коряга, которую недавно пнула Лена. Он подходит к каждому из лежащих и медленно проводит корягой над его или ее головой, не прекращая монотонно бормотать все на том же чужом языке. Первый, второй, третий...

Видимо, что-то не складывается, голос человека начинает слегка дрожать, но и только. Видно, что его внутренняя концентрация сейчас на максимуме.

Человек обошел уже всех, осталась только Лена Осенева. Руки, сжимавшие корягу, побелели от напряжения, бормотание стало громче. И вдруг...

Странная черная деревяшка, зависнув над головой девушки, дернулась. Раз, другой, третий.

Человек возбужденно выпрямился и осторожно вложил корягу в руку Осеновой. Девушка медленно, словно сомнамбула... Впрочем, «словно» здесь лишнее, Лена и была ею. Сомнамбулой.

Она поднялась, с минуту постояла, вытянув вперед руку с корягой. Затем повернулась и двинулась вдоль берега озера. Человек пошел следом.

Оказавшиеся бесполезными люди так и остались лежать забытыми куклами.

Лена шла довольно долго, прибрежная полоса вскоре сменилась лесом, затем – зарослями кустарника. Девушка падала, цепляясь за корни и колючие ветки, одежда ее покрывалась прорехами, на лице и руках закровоточили царапины. Но она поднималась и продолжала упорно двигаться вперед, словно черная коряга тащила ее куда-то.

Впрочем, так оно и было, наверное.

Впереди появилась почти отвесная скала, казавшаяся сначала неприступно-монолитной. Но Лена и не думала сворачивать, продолжая идти с той же скоростью, пока рука с корягой не врезалась в стену скалы. Человек, идущий следом, невольно вздрогнул, ему показалось, что рука девушки отломилась, словно сухая веточка, и упала на землю.

Потому что ее, руки, не было видно до самого локтя. Она исчезла внутри узкой, закрытой мхом расщелины.

Человек радостно взвыл, подбежал к скале и, оттолкнув девушку, сам засунул руку в расщелину. Пошарил там, издал победный вопль и вытащил конечность обратно.

Только теперь эта конечность не была пустой. В ней мягко поблескивал в свете луны клинок необычной формы: узкий, длинный, сделанный из странного беловатого металла.

Человек хихикнул и ткнул клинком Осеневу в плечо. Острие вошло легко, словно... Банальное «словно нож в масло» будущему властелину мира было как-то не комично, поэтому он решил обойтись вообще без сравнений. Легко вошло, и все. И легко вышло.

Оставив мгновенно налившуюся кровью глубокую, но не опасную ранку. А Лена даже не шелохнулась, безучастно глядя в никуда. Человек, наслаждаясь неизведанной ранее полнотой власти над другим, медленно обошел вокруг девушки, легонько, вскользь, тыкая ее клинком. Эх, жаль, убивать нельзя, черед этой мерзкой красотки еще не настал. И изуродовать хорошенько тоже нельзя, жертва на момент смерти должна быть совершенно здоровой, причем в первоизданном, так сказать, виде. Ладно, живи пока.

Он пнул девушку под колени, и Лена ничком упала на траву, едва не налетев виском на небольшой камень. Человек испуганно охнул и, выдохнув, тихо выматерился. Все, хватит развлекаться, едва по глупости ритуал не нарушился! Да и холодно голышом стоять, надо двигаться.

Он и двинулся, причем бегом, оставив Лену лежать там, где она упала.

Таковыми же послушными чурбачками валялись и оставленные на берегу озера люди. Никто из них даже с места не сдвинулся. Ничего, после завершения жертвоприношения они просто заснут там, где лежат.

Человек повернулся в сторону острова Колдун, салютуя найденным оружием в сторону невидимого отсюда гигантского сейда. А потом медленно направился в сторону избышки.

Утро выдалось солнечным и приветливым.

Таким же получилось и настроение у компании. Просыпались, перешучивались, веселились. Вчерашний напряг ушел бесследно, даже Динь тихонько хихикала.

А то, что они почему-то спали вповалку на берегу, никого не смутило. И вопросов не вызвало, словно так и надо.

Событий вчерашнего вечера никто не помнил. Совсем.

– Что-то наш герой разоспался, – Борис с хрустом потянулся. – Пора его будить.

– Зачем? – удивленно приподняла брови Нелли. – Его не тронь, он и вонять не будет.

– Я не имел в виду нежно потрясти Тошеньку за плечико и прошептать на ушко: «Вставай, дружок». Просто хотелось бы позавтракать, а все наши запасы – в избе.

– Проглот ты, Борька, – Нелли шутливо шлепнула Марченко по пузцу. – Вон уже какой запас накопил, худеть пора.

– Никогда!

– Ладно, схожу за крупой, каши сварим.

– Кстати, народ, а где Ленка? – удивленно заозирался Путырчик. – Неужели Тарского душисть пошла?

– Ерунды не говори, – поморщилась Ирина. – Мало ли куда человек утром пойти может! Нелька, ты еще здесь? Нас сейчас голодные мужики съедят.

– Бегу, бегу!

Нелли направилась к избышке и скрылась за дверью.

А через пару мгновений пространство вспорол дикий, до краешков заполненный ужасом крик, резко оборвавшийся на самой высокой ноте.

Борис побледнел и бросился к угрюмо набычившейся избе, его опередил Вадим, буквально вынесший дверь плечом.

А потом заорали все. И вовсе не Нелли, счастливо пребывавшая в глубоком обмороке, стала этому причиной...

На кровати лежал Антон Тарский. Спокойно так лежал, тихо. На спине, руки на груди сложены, не шумит, никому на нервы не действует.

Даже улыбается, причем широко так, от уха до уха. Вот только улыбка странная какая-то, намного ниже рта, и вокруг все заплыло уже запекшейся кровью. Да пустые глазницы в потолок таращатся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.